

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №15 ГАЗЕТА

Александр Кердан / Последний чекист

КЕРДАН Александр Борисович

Родился в 1957 году в Челябинской области. Член Союза писателей России с 1993 года, поэт, прозаик. Секретарь правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Лауреат Большой литературной премии России (2010), международных литературных премий: «Золотое перо» (2008), «Честь и Отечество» (2010), «Полярная звезда» (2012) и других. Автор романов: «Крест командора», «Караул», «Невольники чести», «Камень духов», «Царь горы» и многих сборников стихов.

Живет в Екатеринбурге.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Национальная литературная премия «Слово»

11 июля в пресс-центре ТАСС было объявлено об учреждении Национальной литературной премии «Слово». На премию будут приниматься книги, изданные после 2022 года.

Председатель правления Союза писателей России Н. Ф. Иванов заявил: «Само время требовало создания новой премии.

Организаторы и жюри премии готовы оценивать и рукописи: в них может быть больше правды, больше истины. Мы уверены, что среди рукописей мы найдём авторов, которые будут прославлять нашу литературу».

Национальная литературная премия «Слово» проводится при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Учредители премии — Российский книжный союз и Союз писателей России. Общий призовой фонд — 16 миллионов рублей. По три миллиона получают победители в номинации «Мастера. Проза» и «Мастера. Поэзия».

Победители среди молодых авторов в тех же номинациях разделят два миллиона рублей. Премией будут поощрены и переводчики.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 № 15 /1956/ Основана в 1927 г.

Александр Кердан

Последний чекист

Роман

Бди!

Козьма Прутков

Глава первая

1

Вызрели на яблоне груша и апельсин.

«Такого не бывает!» — успел подумать Сазонов и проснулся.

Он открыл глаза, прислушался к ровному дыханию спящей жены, но встать не стал — рано ещё. Осторожно, чтобы не потревожить Татьяну, поглядел на светящиеся стрелки часов «Командирские», которые не снимал, даже ложась спать. Стрелки показывали пять утра. Можно ещё подремать чуток. Сазонов закрыл глаза, попытался уснуть. Не вышло — в голове крутился странный сон про яблоню с необычными плодами.

Чего-чего, а яблонь за свою жизнь Сазонов перевидал немало. Только в отцовском саду в родном селе Пузос росло сортов пять, а то и больше: и китайка, и белый налив, и антоновка, и боровинка, и анис полосатый... Саженец канадской мелбы привёз из Львова и лично посадил в саду двоюродный брат отца Макар Григорьевич, майор КГБ, а в прошлом сотрудник легендарного НКВД и МГБ, гонявший по лесам и сёлам Западной Украины бандеровцев и прочих фашистских недобитков... Сазонов тогда только в школу пошёл. Плоды у мелбы крупные, округло-вытянутые, жёлто-зелёные с красноватым румянцем, а мякоть — белая, сочная, нежная, отдаёт хорошо настоящей брагой. Как-то ещё в младших классах вместе с другими пацанами Сазонов стащил бутылку у деда Василия и попробовал этот дурманящий напиток. Но мелба оказалась гораздо вкуснее. А вот у соседки бабы Мани рос пепин шафранный, выведенный селекционером Мичуриным. И непонятно зачем лазали мальчишки к ней в сад за этой кислятиной, когда свои яблоки и сладце, и ароматней! Наверное, только ради приключений: перелезть через забор, тайком пробраться к соседке в сад, набрать за пазуху яблок и сделать ноги, не получив от бабы Мани жгучей крапивой...

Журнальный вариант.

Сазонов улыбнулся этим счастливым воспоминаниям. А память тут же унесла его в восемьдесят четвёртый.

Он учился тогда на Высших курсах КГБ СССР в Алма-Ате, где даже воздух был пропитан насквозь ароматом апорта. Учебные корпуса и общежитие располагались в огромном яблоневом саду, который тщательно пестовал, привлекая всех свободных от занятий слушателей, начальник курсов генерал-лейтенант Василий Тарасович Шевченко. Старого генерала несколько лет назад с поста председателя КГБ Казахской ССР, не без помощи тогдашнего партийного босса Кунаева, почему-то сняли, но тут же доверили руководство курсами. И Шевченко на новом месте развернул самую бурную деятельность: построил общежитие, учебный корпус и полигон, заложил яблоневый сад. Он оказался прирождённым мичуринцем — росли в этом чекистском саду яблоки самых невиданных сортов. Но ни у генерала-садовода, ни у самого академика Мичурина никогда не получилось бы вырастить на яблоне грушу и апельсин.

«К чему же мне такое диво приснилось? — размышлял Сазонов. — Ну приснилось и приснилось: чекисту обращать внимание на всякую мистику, эзотерику и прочую хренотень вообще-то не положено... Хотя почему бы и нет: может быть, как раз и стоит настоящему чекисту обращать внимание и на эзотерику, и на мистику, и даже на упомянутую хренотень. Ибо во всякой хренотени какое-то рациональное зерно или малая толика этого зерна обязательно имеется. Особенно в такое времечко, в которое выпало теперь жить. Иначе с чего бы в Службе безопасности самого Президента целый генерал медитациями и телепатией занимается, и весьма успешно, между прочим... Да, если уж генералы гороскопы составляют, за привидениями гоняются, паранормальные явления ищут, то нам, простым смертным, сам Бог велел!»

На этом оптимистичном выводе Сазонов ещё раз попытался заснуть, и тут неожиданно пришла разгадка сновидению: «Да это ж про нашу Контору Глубокого Бурения, и метаморфозы с нею». Только за время его службы секретное ведомство страны переименовывали столько раз, что сами сотрудники путались в наименованиях.

Эта катавасия с самой закрытой организацией Советского Союза началась шестого мая девяносто первого года, когда Ельцин убедил председателя КГБ СССР Крючкова в необходимости образования КГБ РСФСР. И КГБ в КГБ был образован. У председателя российского КГБ генерала Иваненко долгое время не было ни штата, ни нужного числа сотрудников, но его кадровик активно агитировал коллег из общесоюзной Конторы переходить к ним и мно-

гих с пути истинного если и не сбил, то серьёзно поколебал...

Преобразование Конторы продолжилось уже после августовского неудачного путча. Путч этот, как вскоре выяснилось, никаким путчем не являлся, но оказался одним из главных гвоздей, забитых в крышку гроба уже дышащего на ладан, но ещё живого СССР! Победивший в августовском противостоянии Ельцин тут же издал указ о приостановлении деятельности Коммунистической партии, благодаря которой и совершил свою головокружительную карьеру от инженера-строителя до первого секретаря Московского городского комитета КПСС.

В ночь с 22 на 23 августа 1991 года толпа его сторонников снесла с постаментов памятник первому чекисту, железному Феликсу — символу Лубянки, а 22 октября двурушник Горбачёв, справедливо заслуживший в народе кличку «Мишка-меченый», подписал Постановление Госсовета СССР, по которому на месте единого КГБ Советского Союза образовались три самостоятельных учреждения: Межреспубликанская служба безопасности СССР, Центр службы разведки СССР и Комитет по охране государственной границы. И хотя Контора в тот момент вроде бы устояла, но перестала быть монолитом. Опытные аналитики ведомства уже тогда прогнозировали, что одной внешней атрибутикой дело не ограничится — упразднение руководящей роли партии в советском обществе и раскол единого КГБ — это шаги к полному развалу системы безопасности и правопорядка, и, значит, прямой путь к скорому краху самого Советского Союза...

Сазонов именно в ту пору и начал забрасывать руководство Управления Особых отделов КГБ СССР по Внутренним войскам, где он служил, рапортами с просьбой перевести в ГУБОП — Главное управление по борьбе с оргпреступностью.

Коллеги отговаривали: «В такие времена лучше не рыпаться, а держаться за насиженное место». Место у Сазонова и правда было неплохим — он служил старшим оперуполномоченным отдела кадров... Но Сазонов рвался на «землю», хотел заниматься не штабной, а настоящей оперативной работой. Рвался, рвался и вырвался под очередной Указ...

Деятнадцатого декабря 1991 года, в самый канун главного чекистского праздника и в день особых отделов, его наконец перевели старшим оперативным работником в Главное управление по борьбе с организованной преступностью Агентства Федеральной безопасности России (АФБ) — так КГБ РСФСР стал именоваться с некоторых пор. И в этот же день на Лубянке зачитали Указ Ельцина «Об упразднении МСБ СССР и создании Министерства безопасности и внутренних дел РФ (МБВД)».

Это «чудище обло, озорно и лайй» одним махом объединило «Младших Внуков Дзержинского» из МВД и «Старших братьев» из КГБ. Видимо, именно этот «монстр» МБВД и приснился сегодня Сазонову в виде раскоряченной яблони с вызревшими на ней грушей и апельсином. Это соединение несоединимого — контролирующих и подконтрольных, надзирающих и проверяемых — и вызвало у него полное ощущение нереальности происходящего.

И на Лубянке, и на Житной, где располагалось МВД, восприняли тогда новость без энтузиазма. Новые коллеги Сазонова невесело шутили: «Теперь нам кроме плаща и кинжала выдадут ещё и милицейские свистки». Ну, до свистков дело, конечно, не дошло, а вот путаницы и неразберихи в работе новоявленного «монстра» было так много, что он не просуществовал и одного месяца. 14 января 1992-го решением Конституционного Суда Российской Федерации объединение было признано незаконным, и через десять дней появился новый Указ Первого лица об образовании Министерства безопасности России на базе АФБ.

Все эти преобразования и переименования происходили так стремительно, что управление кадров Конторы не успевало менять удостоверения лично-сти сотрудников. Дело доходило до курьёзов.

Четвёртый отдел, где служил Сазонов, поехал на задержание бандитов из «чеченского криминального сообщества». Случилось это ещё при бывшем начальнике отдела, офицере не робкого десятка и любителе шашкой помахать, самому впереди всех на задержание ломануться и весь отдел за собой увлечь, хотя для таких операций специально обученные силовые группы существуют. Впрочем, в тот памятный раз они и силовиков вызвали, и сами пистолетами обвешались, как ковбои из вестернов (хотя с оружием и так не расставались никогда!), и «броники» на себя напялили, и затрещавшие по швам куртки и плащи поверх надели, и двинули напрямик в элитную ещё с советских времён гостиницу «Украина».

Швейцар в ливрее, очевидно, из БС — бывших сотрудников, на красные корочки отреагировал правильно, мгновенно пропустил их в помпезный вестибюль и лишних вопросов задавать не стал. А вот барышня-администратор навалилась высоким бюстом на стойку регистрации, называемую на западный манер — «рецепшн», и на требование дать ключи от номера 509, в котором, по сведениям «наружки», находились упомянутые «злодеи», строго потребовала документы и ордер на обыск и стала изучать их с введливостью опытной сотрудницы прокуратуры.

— Ключи от номера я вам не дам, — возвращая документы, довольно дерзко заявила она, хлопая огромными, как у Мальвины, накладными ресницами.

— Это почему? — Наглость администраторши обескураживала.

— А у вас документы недействительные...

— Как это недействительные? — возмутился бывший начальник. Он был выходцем из особистов знаменитой дивизии имени Дзержинского и не привык, чтобы всякие «мальвины» с ним так разговаривали.

Администраторша надула ярко покрашенные губы:

— Ну, посмотрите сами. Постановление на обыск — на бланке Министерства безопасности, печать на нём — Агентства федеральной безопасности. А у вас лично — удостоверение несуществующего КГБ! Вы, господа, сами-то понимаете, кто вы, откуда и зачем? Будьте добры, немедленно покинуть гостиницу, иначе я вызову службу безопасности... — Она потянулась к телефону, но Серёга Нефедьев, могучий, как атланты, что держат небо на каменных плечах, нежно положил на её руку свою тяжёлую длань, а бывший начальник (тогда ещё не бывший, а вполне себе действующий) вежливо, но твёрдо повторил:

— Ключи от номера, и пройдёмте с нами, гражданочка...

— Да куда я с вами не пойду! Вы — самозванцы! — взвизнула администраторша, вырывая руку. — Да вы хоть знаете, кто там живёт?! Да у него охраны десять мордovorотов, таких, как ваш... — гневно зыркнула она на Нефедьева.

— А мы вот с вами туда сейчас пройдём и посмотрим на эту охрану... — Нефедьев шагнул за стойку, обхватил администраторшу за оплывающую жирком талию и развернул лицом в нужном направлении.

Всей группой они двинулись к лифту. Администраторша ещё вяло упиралась и тихонько повизгивала, и только на пятом этаже, когда рядом с лифтом увидела бойцов из группы «Альфа», экипированных как пришельцы с другой планеты, она несколько успокоилась и сумела безо всякого ущерба для собственного здоровья выполнить отведённую роль — коротко постучать в нужную дверь и попросить открыть её для обслуживания номера...

С помощью «Альфы» Сазонов с коллегами быстро «упаковали» не успевших ничего сообразить чеченцев и вызвали в гостиницу коллег из МУРа — для транспортировки задержанных в СИЗО. С муровцами бывший начальник хорошо ладил: доблестная милиция никогда не отказывала в помощи, ибо и самим галочка шла в строку, да и «старшим братьям» оказанная вовремя помощь непременно когда-нибудь зачтётся. Устройство задержанных в камеры, сдача вещдоков — процедура непростая. Милиционеры с ней справлялись куда быстрее, чем чекисты, и грех было этим не воспользоваться.

В номере честь по чести, с понятиями и составлением протокола, провели обыск. Отправили злодеев на нары. Во время обыска наткнулись на бар с баррикадой невиданных заморских напитков и не удержались: со старшим из ментов — майором хорошо вмазали по случаю реализации. Посиделки затянулись. Домой ехать было уже поздно, да и бессмысленно: пока доберёшься, уже рассвет. Как были в бронжилетах и при оружии, завалились на роскошные гостиничные диваны... И пока ещё не захрапели, изрядно выпивший милицейский майор вдруг занял:

— Ну вот мы же с вами недавно одной-единой конторой были. Вы вроде бы мужики порядочные, я лично ничего против вас не имею, но скажите, зачем вы мою жену вербуете?.. Хотите, чтобы на меня стучала?..

— Да нет, мы про тебя и так всё знаем!

— Тогда и от жены моей отвяжитесь...

— Да ты что — с дуба рухнул? Кто она такая, твоя жена, чтобы мы её вербовали!

— Она бизнес открыла... Туристов российских в загранку отправляет!

— Ну и что с того?

— Да вот повадился к ней один из ваших... Склонял к сотрудничеству...

— Ну, склонял — ещё не значит, что склонил, — хмыкнул Сазонов. — А скажи-ка, друг любезный, твоя жена туристов перестала отправлять после подходов к ней, как ты выразился, нашего сотрудника?

— Нет, отправляет по-прежнему...

— Значит, спи спокойно. Никто твою жену не вербовал!..

Утром этот майор с бодуна никак не хотел просыпаться, стали его расталкивать, а он — ни в какую, тут Нефедьев и заорал благим матом:

— Подъём, мент, такой-разэтакий! Просыпайся! Не позорь жену — агента службы безопасности!..

Над ухом Сазонова резко зазвенел будильник, напоминая, что у нового дня новые заботы. Останавливая назойливую трель, Сазонов нажал на кнопку и тяжело прошлёпал в ванную.

Пока он мылся, брился, одевался, поднялись домочадцы: жена и дети — старшая Леночка и младший Денис.

Заспанная дочь чмокнула его в щёку и ушла в свою комнату досыпать — она училась во вторую смену, а Татьяна, собирая третьеклассника Дениса в школу, спросила:

— Доведёшь?

— Прости, уже не успеваю... Да и что его отводить? Школа — в трёх шагах. Денис у нас уже взрослый мужчина, сам дойдёт... Правда, сын?

«Взрослый мужчина» кивнул:

— Угу, — и спросил: — Папуль, а в воскресенье в зоопарк пойдём? Ты уже давно мне обещал...

Надевая реглан — кожаную куртку, подаренную знакомым вертолётчиком, Сазонов улыбнулся:

— Конечно, сынуля, обязательно сходим. — При этом он успел поймать себя на мысли, что, если бы Дениска знал, в каком «зверинце» ему приходится каждый день работать, наверное, лучше бы в московский планетарий сходить предложил.

Татьяна расценила его улыбку по-своему и неожиданно взорвалась:

— Ты бы хоть сыну не врал! Только всё обещаешь... А самого месяцами дома не видим... Вчера вот опять за полночь явился, и амбре такое, как будто сутки пил не просыхая... Что это за служба такая? Каждый день — одно и то же! И что на этот раз? Успешная поимка очередного шпиона, новое звание сослуживца или снова чей-то день рождения?

Сазонов попытался приобнять жену: ну, не при ребёнке же выяснять отношения...

Но она отстранилась и, подтолкнув Дениса к кухне, мол, иди завтракать, продолжала выстреливать в лицо Сазонову злым полушёпотом:

— В доме лишнего рубля нет, а на пьянку где-то деньги ты находишь... Лучше бы о нас подумал, о своей семье... У Ленки вон выпускной скоро, ей платье нужно. Дениска ходит в пальто, из которого давно вырос. Я уже про свои демисезонные сапоги просто молчу: каблуки все стоптались — глядеть стыдно...

Сазонов, не дослушав жену, вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь.

2

Из подъезда новопеределкинской многоэтажки Сазонов вышагнул в раннее, необычно холодное майское утро. Птиц не было слышно, на зелёной траве — иней, изо рта — пар. А ведь уже двадцать второе число! Значит, пришли «черёмуховые» или Николины холода. Он вдохнул полной грудью стылый воздух и как будто впрямь уловил запах черёмухи.

«Хорошо, что реглан надел», — похвалил себя Сазонов и направился к безлюдной автобусной остановке: основной поток пассажиров здесь появится минут через тридцать. Этим Сазонов обычно и пользовался, чтобы добраться до метро пораньше и избежать там утренней толкучки.

За несколько лет службы в столице он приноровился, понял, что в суетливой московской жизни побеждает тот, кто на полголовы обгоняет толпу. Коренной москвич экономит каждое мгновение: знает, в какую дверь автобуса зайти, чтобы у ближайшей станции метро очутиться первым, в какой вагон не-

обходимо сесть, чтобы на станциях пересадок оказаться поближе к нужному переходу, как двигаться в потоке людей, чтобы тебя не смяли и не сбили с темпа... Обязательно учитывается, из какого вагона лучше выйти на станции назначения, чтобы, обгоняя остальных, метнуться к эскалатору и подняться наверх, не простаивая длинную очередь внизу. Эти малые мгновения, складываясь на протяжении дня в минуты, а то и в часы, сэкономили массу сил, а значит, и жизненной энергии, которой столичное людское скопище, как некое мистическое тысячеглавое чудовище, питается. И этот вампиризм толпы, безо всякой мистики, вполне реально ощущал на себе Сазонов.

Вот и теперь на остановке, поживаясь и ожидая, какой из двух проходящих здесь автобусов подойдёт первым, он заранее прикинул, как поедет в каждом из возможных вариантов, где сядет, где перебежит, экономя пресловутую жизненную энергию, которая ему сегодня ещё ой как понадобится.

Первым подошёл практически пустой восемьсот десятый.

«Значит, поеду до “Проспекта Вернадского”, а там по красной линии до самой “Лубянки”...» — входя в салон, определился он с маршрутом. Сунув под нос сонному кондуктору «мурку» — удостоверение сотрудника МУРа — один из имевшихся у него документов прикрытия, который к тому же ещё давал право бесплатного проезда в общественном транспорте, Сазонов плюхнулся на свободное место в конце салона и уставился в окно.

Дорога до службы занимала полтора часа, что по московским меркам не так много. Но и это время Сазонов пытался использовать рационально. Сидя в автобусе и в поезде метрополитена, по оперативной привычке не выпуская из внимания переднюю и заднюю полусферы, он мог себе позволить думать обо всём, что душе угодно. Как правило, «дорожные мысли» были о службе, о том, что предстоит сделать с утра пораньше, а что потом... Такое планирование — сержантский навык, усвоенный ещё со срочной службы и закреплённый в военном училище, где четыре года он был замкомвзвода курсантов — сегодня как-то не пошло впрок. В голове Сазонова, как бы ни хотелось их сразу забыть, крутились в общем-то справедливые и оттого ещё более обидные слова жены про безденежье и службу — без выходных и проходных.

«Права, конечно, Татьяна: мало бываю я дома и ей с детьми внимания почти не уделяю...» — запоздало согласился он с женой.

Во рту было сухо. Вчера с новыми коллегами из нового отдела, где служит Сазонов с прошлого года, в самом деле слегка усугубили по поводу: практически завершили дело «оборотней». И новый начальник

Сазонова — Виктор Леонардович, курирующий его нынешний отдел в переименованном в очередной раз старом управлении, сказал, что теперь можно готовить дело к передаче в суд, и даже пообещал Сазонова, как разработчика операции, к госнаграде представить. «Ну, представит или нет — это ещё бабушка надвое сказала, но нечастая похвала начальника сама по себе стоила того, чтобы пропустить стопарик-другой в доброй компании... Вот и пропустили... Только в одном Татьяна не права: никаких семейных денег он не пропивал. Невозможно пропить то, чего нет! Вот и вчера глушили с ребятами спирт, который от чистого сердца и по доброй памяти подогнали земляки из Пертовского спиртзавода. Закусывали яблочками из родительского сада и пирожками из буфета — их взяли вскладчину... Скромно, но душевно посидели прямо в служебном кабинете... Зажевали зёрнами кофе спиртовой выхлоп — и по домам. Хорошо ещё, что догадался сегодня с утра водички не попить! А то спирт — штука коварная: вода на старые дрожжи попадёт, и снова захмелел!» И ещё подумал Сазонов в связи с этими, не шуршащими в его карманах дензнаками о том, сколько раз ему за постсоветские годы приходилось в руках держать изъятые на разных обысках упаковки, а то и мешки с валютой и с родными «деревянными» — в крупных и мелких купюрах. И ничего ведь к рукам не прилипло, и главное — мысли ни о чём таком ни разу не возникло — так крепко вошёл в плоть и кровь наказ про чистые руки, горячее сердце и холодную голову, данный незабвенным Феликсом Эдмундовичем советским чекистам...

В новый отдел, под крыло к новому начальнику, перешёл Сазонов не только потому, что здесь предложили подполковничью должность — он майором все положенные сроки уже года два как переживал, а скорее оттого, что надоело уже до чёртиков гоняться по Москве за качками в малиновых пиджаках с золотыми цепями на бычьих шеях, и замаячила впереди настоящая чекистская деятельность в Управлении по борьбе с контрабандой и коррупцией.

Поманил его тогда новый начальник «активными мероприятиями» по реальному противнику, тому самому забугорному «мистеру Ланкастеру», о котором пел когда-то Высоцкий, ибо Сазонову обрыдло уже на упреки руководства, дескать, мало результатов в работе, дерзко отвечать:

— Дайте мне, Виктор Леонардович, двух штатных понятых, и я вам каждый час буду спекулянтов и их бандитскую «крышу» прямо к кабинету доставлять... Вон их сколько в Москве толчется... А нам надо настоящей коррупцией заниматься! Её на рынке среди утлых старушек и бандюганов не найдёшь... Коррупция — в элитных банях и ресторанах, в министерских апартаментах и высоких начальственных

кабинетах прописалась. Она с иностранными фирмами и холдингами связана, от которых тянутся щупальца к иноземным спецслужбам.

Да, переходя в новое управление, повёлся Сазонов на то, что «активные мероприятия» — это вербовки, подставы, разработки, комбинации, что наконец он, как настоящий контрразведчик, будет заниматься безопасностью государства и доберётся до иностранных советников и специалистов, среди которых немало штатных сотрудников ЦРУ. Эти новоявленные «партнёры» проникли в органы государственной власти и с её же разрешения и при её попустительстве чувствуют себя сейчас в правительстве России и даже в администрации Первого лица страны вольготнее, чем в родном Лэнгли... Да и как им себя вольготно не чувствовать, если считают они российское правительство уже колониальным, а Центробанк России — филиалом МВФ!..

Словом, поверил Сазонов, что Контора ещё способна творимый в России своими и чужими беспредел если не прекратить, то хотя бы приостановить... Наивный! Едва только подал он новому начальнику Виктору Леонардовичу план оперативной разработки, в котором один из таких забугорных советников косвенно упоминался, как замахал на него руками новый начальник и даже отпрянул в сторону:

— Ты что, ты что, Михаил Иванович! Не лезь туда и из головы выбрось всякие подобные мысли! Не нашего это с тобой ума дело... Тут большая политика замешана...

— А что нашего ума дело? — включил «простака» Сазонов.

— А вот это! — не заметил скрытой иронии новый начальник и сунул в руки Сазонова дело «оборотней».

Дело ещё — и не дело вовсе, а так, несколько листочков с оперативной информацией, из которой следует, что в Шереметьево группа сотрудников аэропорта и какие-то сержанты милиции занимаются контрабандой.

«Вот так опустил: со шпиона в министерстве на сержанта-мента... Всё, как в учебнике по оперативной работе — переключение внимания на негодный объект», — подумал Сазонов и вопросительно посмотрел на нового начальника:

— Виктор Леонардович, ну нам же по статусу с коррупцией бороться надо, а не с сержантами... Какие из них коррупционеры? Это ж мелочь пузатая...

— А ты сядь и подумай! Коррупционеры — не коррупционеры, а контрабанда налицо... Наше управление как называется? Правильно — коррупции и контрабанды! Ну, что ты стоишь? Иди, работай!

Сазонов хотел было переспросить: так садиться ему и думать или идти и работать, но понял, что но-

вый начальник подобного юмора не поймёт, что принцип «стой там — иди сюда» в центральном аппарате столь же всемогущ, как и в пехотной роте. Он сказал: «Есть!» — и поехал в Шереметьево, чтобы «определился на местности», как учил его первый наставник в чекистском ремесле, старший оперуполномоченный майор Морозкин...

В аэропорту, в этом краю «непуганых дураков», как сразу окрестил Шереметьево Сазонов, обстановка для оперативной работы была самая благоприятная — целая куча потенциальных помощников из самых разных родственных структур: отряд погранконтроля, где свой разведотдел и особый отдел имеются; транспортная контрразведка и представитель родного Управления по борьбе с коррупцией и контрабандой, которое выросло из управления «В» Третьего главного управления КГБ, курировавшего милицию и Внутренние войска... И в каждой из упомянутых структур у Сазонова, как будто специально, нашлось не по одному даже, а по несколько бывших сослуживцев... С одними встречался в Особом отделе пограничного округа в Алма-Ате, с другими — во Внутренних войсках, с третьими — уже в Конторе...

И первые, и вторые, и третьи сразу дали наводки, помогли с контактами: с кем нужно поговорить, с кем в перспективе плотно поработать, на кого обратить особое внимание... Естественно, и первую, и вторую, и третью информацию пришлось ему проверять и перепроверять. И не из недоверия к источнику, а потому, что без таких проверок никакой оперативной работы не бывает. Но всё это происходило в одном, сравнительно небольшом здании аэропорта, где все друг у друга на виду, где, к вящему удивлению Сазонова, многие службы и процессы были уже компьютеризованы — такого ещё и на Лубянке-то не было!

Немудрено, что, «роя копытом землю», изучив материалы в базе аэропорта о вылетах лиц оперативной разработки за рубеж и их возвращении в Россию, беседуя с сотрудниками шереметьевских служб и местной таможни, опрашивая милиционеров и пограничников, наблюдая, анализируя, сопоставляя и делая выводы, Сазонов вскоре обладал практически всей полнотой информации по ДООУ, то есть делу оперативного учёта, которое вскрывало в аэропорту целую систему отлаженного контрабандного канала для вывоза за рубеж икры, лекарств и драгметаллов. Через несколько месяцев интенсивной работы ему стали поимённо известны почти все участники криминальной цепочки: «крышующие» этот нелегальный бизнес сотрудники милиции и связанные с ними представители бандитской группировки. Обозначились выходы и на предприимчивых дельцов из числа иностранцев, торгующих с Турцией, что от-

крывало для Сазонова перспективу уже в ближайшее время прокрутить комбинацию, позволяющую представить своего агента представителям турецких спецслужб (вот они долгожданные «активные мероприятия!») и через эту подставу, возможно, выйти на вербовку турецких коллег...

Так предполагал Сазонов, но всё пошло вопреки его планам. Не зря учили Сазонова в молодости бывалые опера Морозкин и Моисеев, что всякий план чреват провалом. Возникла ситуация, про которую в армии говорят: всё было хорошо, пока не вмешался генштаб...

Однажды, когда новый начальник, уже упомянутый Виктор Леонардович, находился в отпуске, заглянул в кабинет к Сазонову полковник, один из заместителей начальника службы Павел Михайлович, и с порога начал его выстраивать:

— Михаил Иванович, почему у вас преступники на свободе разгуливают?

Сазонов такие «наезды» не любил, поднялся из-за стола и довольно недипломатично ответил:

— Прошу вас выражаться яснее, Павел Михайлович. Какие преступники и где разгуливают?

— Вы занимаетесь проверкой?.. — Полковник назвал фамилию одного из шереметьевских милиционеров.

— Я.

— Так что же вы тянете с реализацией?

— Жду, когда начальник вернётся. Начнём вербовать...

— А куда вы их готовите? — немного сбавил тон заместитель начальника службы.

— Подстава турецким спецслужбам... План у меня имеется. Нужна виза начальника.

— Да какая подстава? — снова взъерепенился полковник. — Он — обычный контрабандист, и его немедленно сажать надо!

Сазонов попытался разъяснить, что турки, то есть их спецслужбы, тоже знают, что имярек — контрабандист, а мы его завербуем и сделаем им подставу...

Полковник рукой махнул и головой покачал недоверчиво:

— Да нет, это — лишнее. Завтра же этого контрабандиста брать надо!

Сазонов взмолился:

— Павел Михайлович, дайте несколько дней, пусть хоть начальник мой вернётся... Ему-то я что скажу?..

Полковник снова махнул рукой, мол, делай, что хочешь, и выскочил из кабинета.

Сазонов выдохнул: пронесло, а утром девчата из ОТМ — службы техподдержки звонят:

— По вашим объектам в Шереметьево аресты какие-то непонятные пошли...

Сазонов метнулся в аэропорт, а там вовсю МВД и прокуратура орудуют, задержали несколько грузовиков и водителей, которые проходили у Сазонова по делу оперативного учёта. Они, эти расхитители «криминальной собственности», вместе с дежурным нарядом милиции вскрыли несколько ящиков с нелегальной икрой, готовящихся к отправке за границу, взяли себе по десятку банок и решили их вынести из аэропорта. На этом их и повязали и лепят им теперь «контрабанду».

Следствие вела молоденькая и весьма симпатичная сотрудница прокуратуры. Сазонов стал ей объяснять, что контрабанда — это не тогда, когда что-то выносят из аэропорта, а когда икру за границу большими партиями переправляют:

— Вот вы сейчас, товарищ следователь, задержали несколько расхитителей, и один раздербаненный ящик им «шьёте», а сколько тонн этой икры «за бугор» ушло, не знаете и знать не хотите, и нам, понимаете ли, всю малину портите...

У «следачки» аж слёзы на глазах выступили — это у неё оказалось первое дело, как, впрочем, и у Сазонова в новом отделе:

— Что же мне делать?

Сазонов растолковал ей, отгоняя при этом тревожную мысль, что вовсе не его ипостась — учить уму-разуму пусть и неопытную, но всё же сотрудницу прокуратуры, у которой, в отличие от него самого, высшее юридическое образование имеется:

— Вы главное — правильно протокол составьте и в нём отразите: так, значит, и так, икра не здесь, в аэропорту, производится и в банки расфасовывается. Как именно попала партия данной икры в Шереметьево, следствию пока не ясно. Но совершенно точно установлено, что собирается эта партия покинуть аэропорт незаконным образом, то есть — контрабандой. А контрабанда — это уже наша подследственность. Через три дня вы дело нашим следователям передадите, а мы уж как-нибудь разберёмся, что да к чему...

— А мне в эти три дня чем заниматься? — изо всех сил попыталась улыбнуться юная сотрудница прокуратуры.

— Допрашивайте задержанных. Но при этом главных злодеев не спугните. Ведь грузчики и водители сейчас на допросах начнут свою «крышу» называть... Вы всех сразу станете арестовывать, чего пока делать не надо, поскольку именно эта «крыша» и есть предмет нашего пристального чекистского интереса.

— Так вы меня, товарищ майор, в случае чего, защитите? Прикроете? — попыталась найти хоть какую-то опору своей дальнейшей деятельности следовательница.

— Защитим! Прикроем! Для этого и предназначены, — пообещал Сазонов.

Через несколько дней уже «конторские» следователи взялись за дело, и расследовалось оно быстро и как будто даже легко, обогатив Сазонова неоценимым опытом тесного взаимодействия и сотрудничества со следствием...

Хотя без курьёзов и тут не обошлось.

Вернулся из отпуска новый начальник Виктор Леонардович и сразу начал с упрёка:

— Ты зачем двадцать пять человек арестовал?

Сазонов пожал плечами, мол, не я арестовывал, а МВД. И удивился про себя, что это новый начальник, который прежде огорчался, что раскрытых дел и зачётных «палок» мало, теперь спрашивает с него про арестованных милиционеров так, как будто он, Сазонов, у них замполитом является и за их политико-моральное состояние ответственность несёт, как будто вовсе не его, Сазонова, дело — этих коррупционеров в погонах на чистую воду выводить и к ногтю прижимать.

Виктор Леонардович, словно на немой вопрос подчинённого отвечая, разволновавшись, заговорил вдруг не своим, высоким голосом и даже руками всплеснул:

— Если все они — контрабандисты, то есть государственные преступники, с нас же с тобой завтра и спросят: куда, мол, вы раньше смотрели? Они же менты, то есть наши с тобой непосредственные подопечные. Соображаешь? Вот что, Михаил Иванович, — перешёл он почти на дружеский тон, — сядь и подумай, да поезжай-ка в «Лефортово», проинструктируй там своих арестованных ментов, пусть они больше друг друга не сдают! Иначе мы запурхаемся!

Сазонову и самому жалко было молоденьких сержантов и младших лейтенантов, попавших как кур в ошип и по причине собственной дурачности и жадности оказавшихся «госпреступниками». Их не пришлось даже пугать расстрельной статьёй — всё рассказывали сами, добровольно и охотно, да так рьяно, что некоторым бы и остановиться в своём простодушном и покаянном словоизвержении не мешало бы...

Сазонов поехал в «Лефортово» и стал беседовать с каждым задержанным в отдельности, внушать поточески, мол, если сам попался, колись, как арбуз, а сдавать товарищей — это в общем-то не по-офицерски и не по-сержантски, особенно если сдавать не за что...

Одного младшего лейтенанта Сазонов спросил:

— Зачем ты своему коллеге Васе деньги давал?

Тот простодушно ответил:

— Так Вася очень бедно живёт, вот решил ему помочь... Но он честный мент. Он никого не «крышует».

— Зачем же ты тогда его сдал, если он честный?

— Вы же сами сказали всю правду говорить...

— А ты, дурья твоя башка, разве не понимаешь, что безвинного коллегу в дело втягиваешь? Теперь придётся на допросе признаться, что ты его оговорил...

— За что же я могу оговорить Васю, если он человек хороший? Мы с ним ещё со школы милиции дружим...

— Вот и скажи на допросе, что оговорил Васю в отместку за то, что он тебе когда-то в школе милиции подножку на кроссе поставил...

Или ещё смешнее. Стали этого Васю выпускать как невинно оговорённого. Позвонил Сазонову следователь конторский, предложил:

— Этот Вася в самом деле парень совестливый и служить дальше хочет. Может, пригодится тебе на будущее. Подойди, побеседуй...

— Добро, подойду. Но ты ему намекни, что своим освобождением он одному хорошему человеку обязан... Если, мол, этот человек обратится, будь любезен, ответь добром на добро...

Выпустили Васю. А Сазонов как-то завертелся, сразу побеседовать с ним не смог. Разыскал этого лейтенанта через неделю. Дескать, ты помнишь, что освобождением обязан одному хорошему человеку. Вот он, дескать, я...

Вася серьёзно ответил:

— Я вас давно уже жду. Всё делаю, как вы сказали, вашу литературу среди сотрудников аэропорта распространяю добросовестно...

— Какую литературу?

— Баптистскую.

Сазонов аж позеленел, как пограничная фуражка, вспомнив, как, ещё служа в погранавиации замполитом эскадрильи, сталкивался несколько раз с солдатами-баптистами, которых по указанию особистов приходилось срочно переводить куда-нибудь в стройбат, дабы остальной личный состав не разлагали:

— Дурило ты тёщино, какие баптисты? — взвился он на Васю. — При чём здесь они? Вместо их книжечек ты мой портрет носить в кармане обязан и каждый день на него молиться!

Но Вася упрямо настаивал на своём:

— Я вам, конечно, благодарен, товарищ майор, но и баптистской церкви тоже весьма признателен...

Оказалось, не успел этот Вася домой прийти, как тёща ему выложила, что надо ему завтра с ней пойти в баптистскую церковь, отблагодарить тех, кто молился о его освобождении:

— Мне сегодня наш проповедник сказал, что ты вернёшься... А потом, дескать, его отблагодаришь!

Вася и отблагодарил — снял с книжки все свои накопления и к баптистам отнёс...